

Остаться на второй год?

Чэнь Хэсун не ожидал, что события примут такой оборот. Он открыл рот, пытаясь подобрать слова:

— Сяо Юй, я не это имел в виду. Я хотел сказать...

Хэ Юй перестал улыбаться, его лицо стремительно холодело.

— Брат, ты ведь не собираешься сейчас забрать свои слова назад?

— Нет, я могу помогать тебе с конспектами, заниматься с тобой после уроков или по выходным. Этого вполне достаточно для учебы. Оставаться на второй год — слишком хлопотно, мне ведь скоро сдавать Гаокао.

— Вот именно потому, что тебе скоро сдавать экзамены, у тебя точно не найдется времени на меня. А если ты просто продублируешь год и пойдешь со мной в одиннадцатый класс, времени будет предостаточно.

Заметив, что обстановка накаляется, мать Чэнь поспешила вмешаться:

— Ну всё, Сяо Сун, не делай такое лицо. Сяо Юй просто шутит. Какой еще второй год? Но ты и правда должен больше помогать брату, нельзя думать только о своей учебе...

— Тётя, я не шучу, — оборвал её Хэ Юй.

Мать осеклась. Глядя на его застывшее лицо, она не посмела вымолвить больше ни слова.

— Брат так хорошо учится, что ему стоит потерять один год, чтобы подтянуть меня? Раньше он никогда не занимался со мной всерьез. А если мы будем сидеть в одном классе, ему волей-неволей придется взяться за дело. Заодно мы вместе будем сдавать главный экзамен, и вам, тётя, будет проще за нами присматривать. У брата появится целый лишний год на повторение материала — это же чистая выгода.

Мать Чэнь посмотрела на отца Хэ:

— Лао Хэ...

Тот, не отрываясь от изучения отчетов в телефоне, бросил:

— Сами договоритесь.

Под этим «договоритесь» подразумевалось лишь одно: как скажет Хэ Юй, так и будет. Услышав это, мать больше не смела возражать. Напротив, она тут же сменила тон:

— Да, пожалуй, так будет даже лучше.

Чэнь Хэсун, разумеется, был категорически не согласен и пытался отстоять свое право:

— Я буду заниматься с Сяо Юем со всей серьезностью, мне не нужно для этого оставаться на второй год! Я не хочу...

Хэ Юй повернулся к нему, в его голосе прозвучала деланая обида:

— Ты только перешел в одиннадцатый класс, а уже эти несколько дней не готовишь мне завтраки. Если так пойдет и дальше, какая уж тут «серьезная помощь»?

— Я...

Юноша опешил. Это была чистая ложь: даже в дни экзаменов он ни разу не пропустил время завтрака. Хэ Юй всегда был таким — эгоцентричным, корыстным, привыкшим добиваться своего любыми средствами и никогда не отступающим, пока не достигнет цели.

Хэсун попытался смягчить тон:

— Сяо Юй, я готовил завтрак, может, ты просто не заметил? Обещаю, я буду помогать тебе во всём. Я не хочу на второй год, правда, очень не хочу.

Голос его, несмотря на все усилия сохранить спокойствие, сорвался от волнения. Отчим нахмурился и многозначительно кашлянул. Мать, мгновенно уловив сигнал, прикрикнула на сына:

— Сяо Сун, говори с братом нормально! Зачем так повышать голос?

Хэсун перешел на шепот, с мольбой глядя на мучителя:

— Сяо Юй, прошу тебя, я действительно не хочу на второй год.

Тот ничего не ответил. Со стуком бросив палочки на стол, он поднялся и вышел из комнаты. Мать набросилась на Хэсуна:

— Вот видишь! Из-за тебя твой брат ушел голодным! Сяо Юй прав: ты всего несколько дней в одиннадцатом классе, а уже смеешь за столом рожу корчить? Тебе предложили год форы, никто не запрещает тебе сдавать экзамен позже. Ты только выигрываешь время для подготовки, разве не так? Это тебе наказание за то, что раньше плохо учил брата. Теперь придется отрабатывать.

— Мама, это не так... Я уже вошел в ритм подготовки, правила для выпускников и тех, кто остался на второй год, различаются, я...

Мать не желала его слушать. Она подошла к месту Хэ Юя, переложила остатки его еды в тарелку и с улыбкой сказала мужу:

— Я поднимусь к Сяо Юю, нельзя, чтобы ребенок оставался голодным.

Тот лишь коротко буркнул в ответ. Перед уходом мать одарила Хэсуна свирепым взглядом:

— Решение принято. Завтра я пойду в школу и поговорю с учителями.

Хэсун остался стоять на месте. Несмотря на удушающую летнюю жару, его руки и ноги заледенели, словно он провалился в прорубь. Схватив сумку, он в полном оцепенении, словно живой мертвец, поднялся в свою комнату.

***

За дверью слышался голос матери, стучавшейся к Хэ Юю:

— Сяо Юй, я принесла твои любимые блюда, выйди хоть немного поешь.

Хэсун заперся, прислонился спиной к двери и медленно сполз на пол, обхватив голову руками. Только теперь он понял, почему Хэ Юй вдруг решил дождаться его после уроков и почему так интересовался его оценками. Всё это было спланировано.

Когда он наконец обрел надежду и полностью погрузился в учебу, тот решил грубо оборвать его полет, превратив в своего раба-сопровождающего. Предсказание наставника Чжу сбылось: даже если он будет покорным, Хэ Юй его не отпустит. А он, привыкший к вечным уступкам, наивно полагал, что свобода уже близко.

Что теперь делать? Год, два... он никогда не сможет освободиться и вырваться из-под власти Хэ Юя.

Вдруг прямо перед ним раздался голос:

— Брат.

Хэсун вздрогнул и вскинул голову. Хэ Юй стоял прямо перед ним и насмешливо улыбался. Неудивительно, что он не отвечал матери — его вовсе не было в своей комнате. Мучитель смотрел на него сверху вниз:

— Брат, если ты сейчас встанешь на колени и будешь умолять меня, я, так и быть, выйду и поговорю с тётёй.

Но Хэсун больше не собирался ему верить. Хэ Юй был законченным эгоистом; он просто наслаждался видом поверженного брата, втоптывая его в грязь. Его слова были лишь издевкой, он и не думал ничего отменять.

Желудок Хэсуна внезапно сжало спазмом. Подавив рвотный позыв, он бросился в ванную. Нехитрый ужин, который он успел съесть, вышел наружу. За дверью всё еще раздавался голос матери:

— А твой брат уже получил свое. Завтра оформим документы. Хочешь, я сегодня же позвоню его учителю? Сяо Сун больше не будет мешаться, выходи ужинать.

Хэ Юй бросил взгляд на скорчившегося брата и повысил голос:

— Брат, если не начнешь молить прямо сейчас, я пойду и окончательно соглашусь.

Хэсун, вцепившись побелевшими пальцами в ободок унитаза, задыхался от рвоты и даже не думал отвечать. Поняв, что развлечение закончилось, Хэ Юй равнодушно вышел из комнаты.

— Ладно, тётя, завтра пойдем оформлять бумаги.

***

Когда тошнота отступила, Хэсун с трудом поднялся и умылся. Наставник Чжу предупреждал его, но он не внял совету, и вот результат. Юноша был в полном отчаянии. Вытерев лицо, он заперся в ванной, сел у раковины и дрожащими руками достал телефон. На экране светился номер Чжу Цинчэня. В первый же день занятий наставник велел всем сохранить его контакт.

Хэсун долго колебался. Экран гас и загорался вновь. Стоит ли впутывать учителя? А если Хэ Юй и мать узнают и станет еще хуже? Он не знал. Наконец, он набрал номер и прижал трубку к уху.

Гудки длились недолго.

— Алло, это Чжу Цинчэнь.

Услышав этот спокойный голос, Хэсун больше не смог сдерживаться. Он зажал рот рукой, пытаясь заглушить рыдания, и прошептал севшим голосом:

— Наставник... Наставник Чжу...

***

Когда раздался звонок, Чжу Цинчэнь как раз устраивался в своей квартирке с ужином. Услышав плач Хэсуна, он мгновенно отложил куриную ножку в сторону.

— Что случилось? Говори медленно, я слушаю.

Хэсун вкратце пересказал события вечера. Его голос дрожал от мольбы:

— Наставник Чжу, я не хочу на второй год. Даже если я буду с ним в одном классе, Хэ Юй не станет учиться, он просто хочет уничтожить меня. Я не знаю, к кому идти... Я действительно не хочу оставаться на второй год...

Лицо Чжу Цинчэня постепенно становилось всё более хмурым.

«Неслыханная дерзость»

Как такое вообще возможно? Цинчэнь прожил в современном мире меньше недели, но уже понимал, насколько важен двенадцатый класс. Другие семьи пылинки сдувают со своих детей-выпускников, а эти безумцы заставляют лучшего ученика бросить всё ради прихоти другого сына? Весь этот дом сошел с ума.

— Завтра они везут меня оформлять документы, — в панике проговорил Хэсун. — Наставник, что мне делать?

Мальчик был на грани срыва, и Цинчэнь понимал: сейчас нельзя терять самообладание, чтобы не напугать его еще сильнее.

— Прежде всего — не бойся. Успокойся и больше не вступай с ними в споры.

Слова сейчас бесполезны: лишнее раздражение лишь спровоцирует новые издевательства. Цинчэнь открыл «Справочник учащегося» и, листая его, наставлял подопечного:

— Дыши глубже. Перестань плакать.

Слушая мягкий голос учителя, Хэсун начал приходить в себя. Вскоре Цинчэнь нашел нужный раздел, который он заранее отметил красным карандашом:

— Я нашел лазейку. На рассмотрение и утверждение заявления о дублировании года уходит минимум две недели. Это значит, что у нас есть пятнадцать дней в запасе.

— Угу, — Хэсун окончательно успокоился, достал из рюкзака блокнот и начал записывать.

— Школа не одобряет такие просьбы без веских причин. Нужно либо тяжелое заболевание, либо отъезд за границу, либо неспособность освоить программу, — продолжал Чжу Цинчэнь. — Ты не подходишь ни под один пункт.

Хэсун — первый в рейтинге, так что о неспособности к учебе не может быть и речи. Семья Хэ вряд ли захочет отправлять его за рубеж или делать больным по-настоящему.

— К тому же процедура строгая: нужны подписи двух учителей и классного руководителя. Будь спокоен: я свою подпись не поставлю.

— Но у дяди Хэ много связей, вдруг он найдет подход к руководству? — с сомнением спросил юноша.

Цинчэнь задумался.

— Тогда нам нужно предать дело огласке. Чтобы потушить пожар, нужно не воду лить, а выгрести угли из печи.

— Но как это сделать?

— Ты боишься идти в полицию? — прямо спросил Цинчэнь.

Это был первый урок, который он извлек из детских мультфильмов: «Если случилась беда — ищи полицейского». Однако в этой книге мир словно существовал без органов правопорядка. Ни травля в школе, ни насилие Хэ Юя никогда не встречали отпора со стороны закона, будто мучитель был богом этого мира. Цинчэнь специально просил Систему проложить маршрут до ближайшего участка. Там работали люди, там вершилось правосудие.

Просто Хэсун жил в забытом всеми уголке, словно автор очертил вокруг него круг, который не видели официальные лица. Цинчэнь собирался вытащить его на свет, под взгляды общества, туда, где семья Хэ не посмеет творить беззаконие.

Хэсун медлил, глядя на мозоль на пальце, натертую ручкой. Цинчэнь не торопил его, терпеливо ожидая ответа:

— Если тебе страшно, мы поищем другой путь — обратимся в комитет жильцов или к руководству школы...

— Я не боюсь, — тихо, но твердо произнес Хэсун. — Я не боюсь идти в полицию.

— Хорошо, — Цинчэнь удовлетворенно поджал губы. — Хэ Юй измывался над тобой годами. У тебя есть хоть какие-то доказательства?

— Мои дневники. Я привык записывать всё, что происходит.

Не успел Цинчэнь ответить, как вмешалась Система:

[Дневники — это же классический предмет для финального раскаяния в сюжетах «погони за женой в крематорий»!]

«Что еще за чушь?» — не понял Цинчэнь.

[В дневниках Чэнь Хэсуна запечатлен каждый эпизод издевательств с восьми до двадцати восьми лет. После его смерти Хэ Юй прочитает их, осознает масштаб своих злодеяний и будет рыдать на коленях, захлебываясь слезами]

Цинчэнь пришел в полное замешательство.

«Что за бред?»

Как мучитель может не осознавать, что он делает, и вспоминать об этом только по чужим записям? Когда ты бьешь человека, ты чувствуешь это. Когда он кричит от боли, ты слышишь это. Неужели человек без капли сострадания вдруг прозреет от чтения тетрадки?

«Это просто смешно»

Он снова обратился к Хэсуну:

— Есть что-то еще? Подумай.

Дневник слишком легко подделать, он редко служит решающей уликой. Хэсун напряженно вспоминал, а Цинчэнь терпеливо ждал. Наконец мальчик прошептал:

— Больше ничего.

Каждый раз после побоев он приводил себя в порядок, прежде чем вернуться домой, боясь расстроить мать. Цинчэнь не стал его корить:

— Ничего страшного.

— Стой! Вспомнил! — воскликнул вдруг Хэсун. — Несколько раз друзья Хэ Юя снимали на видео и фотографировали, как меня бьют... Они не выкладывали это, просто развлекались. Я не знаю...

— Отлично, — кивнул Цинчэнь. — Я найду способ добыть эти записи, и тогда мы пойдем в полицию. А пока не спугни змею. Делай вид, что согласен на всё. Я постараюсь затянуть время, а ты звони мне в любой момент.

Он замолчал, чувствуя беспокойство:

— Может, мне забрать тебя? Скажу, что в школе срочное дело. Сможешь продержаться дома?

— Всё в порядке, я справлюсь. Я терпел десять лет, потерплю еще несколько дней. Нельзя вызывать у них подозрения, — твердо ответил Хэсун. — Наставник, спасибо вам.

— Я твой учитель, не бойся, — голос Цинчэня звучал надежно и спокойно.

— Угу.

Опасаясь, что его обнаружат, Хэсун повесил трубку. Но страх не покидал его. Он не знал друзей Хэ Юя, не знал, сохранили ли они те записи, и тем более не представлял, как учитель собирается их достать. Однако после этого разговора в его душе появилась опора. Почему-то раньше мысль о полиции даже не приходила ему в голову.

Учитель прав — нужно рубить под корень. Если доказательств нет, он создаст их сам. Хэсун открыл почту, зарегистрировал новый анонимный ящик и отправил письмо в приемную директора:

«В начале нового семестра у задней стены школы были замечены бродячие животные. Прошу установить там камеры видеонаблюдения для обеспечения безопасности учащихся».

Именно там Хэ Юй и его компания чаще всего устраивали свои расправы.

***

Тем временем Чжу Цинчэнь озадаченно застыл перед журнальным столиком. Как же раздобыть те записи? Он посмотрел на Систему и выразительно захлопал ресницами. Та инстинктивно отпрянула:

— Что? Опять ты что-то задумал?

Цинчэнь посмотрел на неё самым жалобным взглядом:

— У тебя ведь есть способ, о высокотехнологичная Система?

— Ну... — Система задумалась. — Способ есть, но для взлома чужих телефонов нужно запрашивать разрешение в Бюро. Учитывая благородство твоих целей, его должны дать.

— И сколько это займет? — просиял Цинчэнь.

— Пять дней.

— Оформляй немедленно.

— Но это будет стоить пять очков жизни. Твое время в этом мире сократится...

— Неважно, — без колебаний отрезал Цинчэнь. — Подавай запрос.

Система вздохнула, но послушно начала процедуру. Пять дней ожидания. Цинчэнь обнял подушку и вздохнул. С уликами вопрос решен, но завтра ему предстоит еще одно сражение.

***

Следующее утро

Чжу Цинчэнь не стал нежиться в постели и встал ни свет ни заря. Одетый с иголки, он пришел в класс задолго до начала занятий и уселся за учительский стол.

— Быстрее, дай списать, я специально пораньше пришел... — влетевший в класс ученик осекся, увидев Цинчэня, и замер по стойке смирно: — Доброе утро, наставник Чжу!

Тот степенно кивнул:

— Доброе.

Группа школьников, толкаясь, зашла в кабинет, обмениваясь шепотом:

— Чего это он так рано сегодня?

— А я физику не сделал!

— Нам крышка.

Цинчэнь скрестил руки на груди и указал подбородком на учебники:

— Читайте.

— Есть, — ученики послушно заняли свои места.

К половине восьмого класс почти заполнился, но место Хэсуна пустовало. Неужели его заперли дома? Цинчэнь уже собрался идти на поиски, когда в дверях появился наставник Гао:

— Сяо Чжу, зайди-ка в учительскую.

— Иду.

Приказав классу продолжать чтение, Цинчэнь последовал за старшим коллегой. Мать Хэсуна вместе с сыном уже ждали там. Мальчик сидел, понурив голову, и лишь на мгновение вскинул глаза на вошедшего учителя, тут же отведя взгляд. Несколько педагогов пытались вразумить женщину:

— Мама Хэсуна, это же безумие!

— У мальчика блестящие результаты, он лучший на потоке! Зачем ему оставаться на второй год?

— Правила для тех, кто дублирует год, совсем иные. Он уже пропустил олимпиаду в одиннадцатом классе, а теперь вы хотите...

Мать сидела с каменным лицом, сжимая в руках документы:

— Наша семья всё обсудила. Это наше общее решение. Хэсун болен, его душевное состояние нестабильно, поэтому мы хотим дать ему лишний год на подготовку.

Оказалось, они вовсе не были простаками. Они понимали, что перевод навредит сыну, и не

смели прямо сказать, что он должен прислуживать Хэ Юю. Болезнь была идеальным прикрытием. И хотя все учителя видели истинную причину, мать продолжала свою тираду:

— Мой младший сын, Сяо Юй, как раз в одиннадцатом классе. Вместе им будет проще: Сяо Юй присмотрит за здоровьем брата, а Хэсун поможет ему с уроками. Всем выгода.

Наставник Гао взорвался:

— Что вы за мать такая?! Вам ясно говорят: ребенок талантлив, ему не нужно повторение! Если речь о здоровье — предъявите справку из государственной больницы, а не бросайтесь словами! Он уже потерял шансы на льготы, правила приема меняются каждый год. Вместо того чтобы помогать сыну, вы целенаправленно губите его будущее!

Женщина вскочила, её лицо исказилось от гнева:

— Наставник Гао, выбирайте выражения! Как это я «гублю его будущее»? Я его мать, разве я желаю ему зла? Он болен! А если он завтра с крыши спрыгнет от переутомления — вы возьмете на себя ответственность? Хэсун, скажи им: ты ведь болен?

Мальчик, не поднимая глаз, едва слышно выдавил:

— Да.

Старый учитель, проработавший в школе десятки лет, никогда не видел подобного. Он схватился за сердце, тяжело дыша. Коллеги поспешили усадить его на стул. Тем временем мать Чэнь достала телефон:

— Алло, заместитель директора Чжоу? Это я, мама Хэсуна. Я в учительской, педагоги отказываются подписывать бумаги, особенно этот Гао.

Она включила громкую связь. Из динамика донесся голос мужчины:

— Гао? Я уже одобрил это решение. Не кипятись, пусть кто-нибудь другой подпишет.

Наставник Гао, едва переведя дух, снова вспыхнул:

— Да пошел ты! Думаешь, я не знаю, что тот хулиган попал в школу только благодаря твоей протекции? А теперь ты хочешь загубить мою гордость, лучшего ученика? Проваливай!

В наступившем хаосе Чжу Цинчэнь незаметно подошел к Хэсуну, на мгновение сжал его руку и шепнул:

— Я уже попросил друга найти улики. Мы их найдем. Иди пока в одиннадцатый класс, не спугни змею. Через пять дней я тебя оттуда вытащу.

Юноша едва заметно кивнул:

— Я тоже так решил.

Они быстро разошлись, прежде чем их заметили. Мать Хэсуна с размаху бросила заявление на стол:

— Мне нужны подписи двух учителей и классного руководителя. Любые двое подписывают, и Хэсун забирает вещи.

Чжу Цинчэнь заговорил спокойным, официальным тоном:

— Мама Хэсуна, если мальчик действительно болен, я готов подписать. Однако помните: у заявления есть срок исполнения в пятнадцать дней. Если за это время выяснится, что Хэсун здоров или что на него было оказано давление — документ аннулируется.

— Плевать, подписывай быстрее, — бросила она.

Цинчэнь добавил:

— Ваши слова слышит вся учительская. Коллеги — свидетели.

— Да-да, поняла я. Быстрее!

Цинчэнь передал свой телефон коллеге:

— Пожалуйста, запишите это на видео. Если выяснится, что Чэнь Хэсуна принудили к переводу, заявление недействительно. Мадам, повторите ваши слова на камеру.

Мать Чэнь, видя его решимость, занервничала: неужели этот учитель что-то заподозрил? Впрочем, какая разница, главное — заветная подпись. Она повторила сказанное под запись. Цинчэнь взял ручку, коснулся бумаги... и намеренно пропустил пару штрихов в иероглифе своего имени. Вместо «Чжу Цинчэнь» на листе появилось «Чжу Цинцзюй». Если дело примет скверный оборот, он всегда сможет заявить, что подпись поддельная — будет действовать теми же методами, что и эта женщина.

Мать Хэсуна быстро собрала остальные подписи и повела сына в класс собирать вещи. Одноклассники, увидев это, замерли в недоумении:

— Хэсун, что случилось? Ты уезжаешь?

Он лишь покачал головой:

— Всё в порядке.

Несмотря на то что это был лишь тактический маневр, сердце его сжималось от страха. А если он не вернется?

— Собирайся быстрее, я жду тебя у Сяо Юя, — бросила мать и вышла.

Чжу Цинчэнь стоял в дверях, глядя на него с затаенной грустью. Когда Хэсун, с трудом удерживая парту и стул, начал выходить из класса, учитель снова крепко пожал ему руку:

— Я обязательно верну тебя назад.

— Я тоже приложу все силы, — серьезно ответил юноша. — Спасибо вам, наставник.

Сегодня утром, когда мать зашла к нему, он тайно включил диктофон. А в почте уже висел ответ от администрации школы: «Благодарим за бдительность. Мастера уже вызваны для установки камер у задней стены».

Он был бесконечно благодарен наставнику Чжу, научившему его бороться, и наставнику Гао, защищавшему его до последнего. Но сейчас, когда в дело вмешался заместитель директора Чжоу, он не мог больше подставлять их под удар. Путь до полицейского участка ему предстояло пройти одному.

Если улики нет — он создаст их сам.

<http://bllate.org/book/15820/1431944>